

Рукопись принадлежала Петербургской духовной академии и приходится сожалеть, что в одной своей очень полезной информационной статье Н. Н. Розов [Южнославянские рукописи Государственной Публичной библиотеки. — Труды ГПБ, т. V (8). Л., 1958, стр. 105—118], говоря о поступивших в ГПБ рукописях этой академии (стр. 110), не вспоминает о вышеназванной рукописи, ограничившись лишь библиографической справкой (стр. 110, прим. 4). Необходимо, следовательно, сделать вывод, что известных списков перевода среднеболгарского времени, по существу, пять, как отметил еще П. Сырку, а не шесть, как утверждают некоторые исследователи, и списки эти болгарской и сербской редакции.

На основе текста московской рукописи с учетом разночтений тульчанского списка и лишь иногда ватиканского (по опубликованным отрывкам, а не по самой рукописи) известный румынский славист Ион Богдан подготовил издание текста среднеболгарского перевода Манассиевой Хроники, вышедшего, к сожалению, в не совсем законченном виде вскоре после его смерти (*Cronica lui Constantin Manasses. Traducere mediobulgară făcută pe la 1350. Text și glosar de Ioan Bogdan. Cu prefața de prof. I. Bianu. București, 1922*). Именно из-за отсутствия полной публикации столь хорошей рукописи, как ватиканская, высказывалось настойчивое пожелание выпустить новое полное критическое издание Хроники в среднеболгарском переводе (см.: Б. Ф и л о в, ук. соч., стр. 1). Благодаря этому изданию текста мы знаем, что в трех использованных списках (по изданию И. Богдана: ук. соч., стр. 73, 20—21) на том месте читается «еже уведев ентириние искусный знамениом съмотритель». В приложении (стр. 73, прим. 11) издатель отметил и соответствующий греческий текст Хроники, повторив сопоставление перевода и оригинала в словаре, данном в конце книги (стр. 275). Совершенно очевидно, следовательно, что еще болгарский переводчик не смог понять связно написанную греческую фразу и поэтому дал просто дословную транслитерацию текста, отчего и произошло непонятное «ентириние». Отсюда слово перешло в другие тексты, претерпев некоторые изменения. В сербском списке Новгородско-Софийского собора оно было записано с небольшой метатезой, как сообщает М. А. Салмина (стр. 363), и появилась форма ентириние, повторенная и в русском Хронографе первой редакции: «е н ъ т и н и р и е» превратившись в конце концов в ентинарий в «Повести о зачале Москвы». Молодой советской специалистке по древнерусской литературе принадлежит заслуга освобождения древнерусского словаря от загадочного слова, воспринятого от южных славян, слова, мимо которого лексикографы и другие исследователи до сих пор боязливо или с недоверием проходили.²

² Не коснулся этого слова и последний исследователь староболгарского перевода Манассиевой Хроники Анри Буассен как в указанной выше книге, так и в своей статье «La traduction moyen-bulgare de la Chronique de Manasses» [*Revue des études slaves*, т. XXII (1946), стр. 180—188]